

2017 Том 10 No. 54

Полева Н.С. Парадоксы индивидуального и социального в судьбах представителей науки и искусства

ПОЛЕВА Н.С. ПАРАДОКСЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В СУДЬБАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАУКИ И ИСКУССТВА

English version: [Poleva N.S. Paradoxes of individual and social representatives of science and art in destinies](#)

Психологический институт РАО, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Предпринята попытка анализа влияний социальных и индивидуальных факторов на творческие судьбы представителей российской науки и искусства. Анализ публикаций С.В.Кравкова периода начала и середины 20-х гг. доказывает, что в сферу научных интересов ученого входили не только проблемы психологии и психофизиологии зрения, исследованиями которых он занимался в Государственной академии художественных наук (ГАХН), но и методологические проблемы психологии, психологии развития, педагогической психологии. Ограничение области научных исследований Кравкова в конце 20-х, его уход полностью в естественнонаучные, идеологически нейтральные исследования рассматривается как вариант его индивидуальной стратегии сосуществования с режимом при сохранении определенной степени личной независимости и возможности самореализации в науке. Судьбы ученых философского отделения ГАХН (Волков, Габричевский, Жинкин, Губер), уцелевших после чисток и репрессий, доказывают невозможность полноценной творческой самореализации в жестко заданных рамках социального пространства. Поэтому единственно возможной стратегией физического выживания становится изменение сферы деятельности и области научных интересов. Научная и творческая биографии философа и психолога С.Л.Рубинштейна и композитора Д.Д.Шостаковича рассматриваются как стратегии ухода во внутреннее пространство личности и способа сохранения собственной идентичности. Такая стратегия позволяла конструировать личностное пространство как убежище от внешнего мира и давления социальных факторов, пространства свободы и самореализации. Изменение внешнего социального пространства на макро- и микроуровне (на примере биографии В.Кандинского) рассматривается как пример личностной стратегии, способствующей сохранению индивидуальности и творческой самореализации в соответствии с личностным выбором. Усиление индивидуализации рассматривается как основной личностный ресурс построения / сохранения личностного пространства как пространства свободы и самореализации, важными составляющими которого становятся наука и искусство.

Ключевые слова: индивидуализация, социальное пространство, личностное пространство, психологический хронотоп, ГАХН

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
А.Кушнер*

По-разному сложилась творческая судьба ученых и художников, чей путь начинался в 20-е годы XX столетия в России. Кто-то вообще ушел из науки, кому-то удалось продолжить свои исследования, «уложив их в прокрустово ложе» идеологических установок советской науки, кто-то под влиянием социальных (политических, идеологических) факторов вынужден был отказаться от своей «научной и художественной идентичности», полностью сменив тематику своих исследований. Другие, поняв, что их творчество никак не может быть реализовано в рамках тех социальных границ, которые с середины 1920-х годов жестко задавались социальной ситуацией развития культуры, сменили именно социальное пространство, оставив направление своей творческой эволюции без существенных изменений. К сожалению, надо признать, что этот путь в большей степени был возможен для художников, а не для ученых.

Периоды «слома» (в нашем примере – изменение политической и социокультурной ситуации в России конца 20-х – начала 30-х гг. XX века) всегда связаны с кризисами идентичности, актуализации проблемы сохранения человеком себя как целостной личности в новых условиях (в условиях идеологического террора, тоталитаризма и репрессий). Современные теоретические и эмпирические исследования показывают, что вариативность развития человека и сохранения собственной идентичности в условиях транзитивности связана, с одной стороны, с его способностью противостоять давлению социальной среды / зависимостью от нее, с другой стороны – степенью интенциональности, в континууме, заданном векторами соотношения процессов социализации / индивидуализации и активностью / пассивностью личности. В связи с этим отмечается усиление значимости индивидуализации процесса развития, который предполагает высокую интенциональность и вариативность (в заданных условиях) в выборе ее реализации [Марцинковская, 2015b].

Е.М.Дубовская отмечает, что «развитие парадигмы индивидуального пути развития подразумевает взаимодействие индивидуального неповторимого движения человека по жизненному пути с определенными социокультурными и историческими условиями развития» [Дубовская, 2014]. К конкретным примерам возможных вариантов такого взаимодействия индивидуальной траектории личности человека науки и искусства с социокультурными условиями нашей страны мы и обратимся в этой статье, проведя анализ биографий некоторых представителей творческой и научной интеллигенции. Следует отметить, что эта выбранная и реализуемая индивидуальная траектория конструирования и реализации личностной идентичности может по-разному влиять на психологический хронотоп [Марцинковская, 2015а, 2017]. Следствиями такого влияния могут быть:

- преодоление гетерохронности психологического хронотопа, достижение гармонизации его составляющих;
- усиление гетерохронности социального и личностного пространства;
- гармонизация индивидуального и общего хронотопов.

«Репрессированная наука» – изменение личностной траектории научно-творческого развития

Индивидуальный выбор или нереализованные возможности как результат давления социального пространства?

Хрестоматийными примерами влияния факторов социального пространства на изменения индивидуальных траекторий развития и личностной реализации являются судьбы ученых Государственной академии художественных наук (ГАХН), когда смена сферы научных интересов и трансформация научно-творческой идентичности становятся не только вопросом возможности самореализации, а ценой физического выживания в сложившихся социально-политических условиях (отметим, что не всех спасло даже это).

Одной из самых благополучных (в плане самореализации и признания научным сообществом) представляется творческая судьба выдающегося отечественного психолога и психофизиолога Сергея Васильевича Кравкова, научная биография которого сложилась очень успешно – доктор биологических наук (1935), член-корреспондент Академии наук СССР и Академии медицинских наук

СССР (1946), заслуженный деятель науки РСФСР (1947), один из основоположников физиологической оптики, автор более 100 научных публикаций, работы которого переведены в Англии, Америке, Франции, Канаде, Германии, Китае, Японии, Польше и других странах.

Борис Михайлович Теплов, характеризуя Кравкова как ученого, подчеркивал, что Сергей Васильевич принадлежит к числу тех, кто, однажды определив область своих научных интересов, неуклонно идет по избранному пути. Но анализ работ С.В.Кравкова периода 20-х годов позволяет усомниться в однозначности оценки Б.М.Теплова. Этот список показывает, что в 1920–1927 гг. в сферу научных интересов С.В.Кравкова входят не только проблемы психологии и психофизиологии зрения, но и интерес к внутреннему миру личности, проблемы методологии, педагогической психологии, социальной психологии. Об этом свидетельствуют собственные работы Кравкова и переводы с его комментариями. В список таких работ входят ранние статьи, написанные сразу после окончания университета: «Современные объективные течения в психологии и их значение» (1916), «Рефлекс цели И.Павлова и рефлекс как творческий акт С.И.Метальникова» (1917), «Методы психологии» (1918), и работы 20-х годов – «Самонаблюдение» (1922), «Внушение» (1924), «Очерк психологии» (1925), «Экспериментальная психология и изучение ребенка» (1927) [Кравков, 1916а, 1916б, 1917, 1918, 1922, 1924, 1925, 1927]. Это период, когда Кравкову 29 лет (1922) – 34 года (1927). Здесь проблема интерпретации фактов. Можно рассматривать этот период как период его поиска своего индивидуального пути в науке. С другой стороны, существует точка зрения, что основная сфера индивидуальных научных предпочтений ученого формируется в возрасте 25–35 лет и остается на всю жизнь [Котова, 1982; Умрюхин, 2002].

После 1927 года список подобных работ обрывается, и круг научных интересов Кравкова сужается до исследования проблем зрения, физики и психофизиологии органов чувств.

Было ли это ограничение индивидуальным выбором ученого или это был вынужденный выбор под влиянием социальных факторов, осознанием невозможности продолжать исследования, начатые в ранних работах, и высказывать свои взгляды в условиях политизации и идеологизации науки?

Несколько слов об этих работах. Одна из наиболее знаковых работ этого периода – «Самонаблюдение» 1922 г. [Кравков, 1922]. Кравков посвящает эту работу своему отцу, расстрелянному большевиками в 1920 г. – «Светлой памяти своего убитого друга и отца Василия Павловича Кравкова посвящает эту свою работу автор». Кравков прекрасно владел тремя иностранными языками – английским, немецким и французским. Эта и другие его работы содержат подробный анализ современных зарубежных источников и отечественных авторов, освещение истории проблемы, собственные критические замечания и выводы. Обращает на себя внимание, что Кравков встает на защиту метода интроспекции (самонаблюдения) в период всеобщих гонений на идеалистическую психологию и ее методы (см. подробнее [Марцинковская, 2004]).

В небольшой работе 1924 г. «Внушение» [Кравков, 1924] особый интерес вызывают замечания Кравкова о роли и механизмах внушения и подражания в контексте проблем педагогической психологии, развития и воспитания личности. Позволю себе процитировать несколько строчек:

«Прежде всего, внушение действует всегда обезличивающе, влияния внушения есть всегда влияния нивелирующие, стремящиеся убить отличие отдельного индивидуума, между тем личность особо ценна для нас именно как нечто "отличное" от других, нечто "неповторяемое", не имеющее себе второго экземпляра ... внушаемость стирает индивидуальные особенности, ценные уже сами по себе».

«Культивируя внушаемость учеников, мы способствуем развитию обоюдоострого орудия. Если, следуя нашим внушениям, воспитанники приобретают желательные взгляды и правила поведения, то ничто не гарантирует того, что, вследствие той же внушаемости, ... ученик не воспримет и внушений самых дурных и нежелательных».

«...Накопленное путем внушения формирует ведь то, что является сферой безотчетного, нелогического, т.-е. того, чего мы, требуя от человека сознательности, менее всего желаем» [Кравков, 1924, с. 38].

Не вызывает сомнения актуальность и для сегодняшнего дня высказанных Кравковым положений и его призывов воспитывать критичность и вдумчивость в отношении к окружающему. Обращает внимание и замечание Кравкова о том, что эмоционально окрашенный образ обладает большей мотивирующей силой, нежели рациональные понятия и идеи (и для детей, и для взрослых – «чем абстрактней идея, тем она безразличней, и тем слабее ее двигательная сила»).

Работа С.В.Кравкова «Очерк психологии» 1925 г. адресована школьным учителям [Кравков, 1925]. Большое внимание автор уделяет в работе проблемам развития и механизмам психического развития. Анализируя современные психологические теории, он, в частности, подвергает критике реактологию Корнилова и предупреждает учителей об опасности и вреде использования этой теории в школьной практике.

«Экспериментальная психология и изучение ребенка» 1926–1927 гг. представляет собой перевод Кравковым сборника статей английских авторов, вышедшего в Англии в 1922 г. в серии «Библиотека нового педагога» [Кравков, 1927]. В предисловии Кравков указывает, что издание позволяет получить «ясное и научное представление о современных научно-психологических методах исследования» и познакомиться с примерами интерпретаций фактов, полученных экспериментальным путем. В ряде статей ставятся практические для педагогов проблемы и научно-обоснованные способы их решения. Как и в работе «Самонаблюдение», Кравков призывает к обоснованному сочетанию различных научных методов, используемых в психологии.

Этой публикацией обрывается список работ С.В.Кравкова, позволяющих говорить о его научных интересах в сферах методологии психологии, психического развития личности, педагогической психологии и др. Можно предположить, что эти направления профессиональных интересов Кравкова формируются и связаны с его преподавательской деятельностью, которой он активно занимается, начиная с 1920 года.

На макроуровне, на уровне социума можно констатировать существование и развитие до середины 20-х годов различных подходов и направлений в отечественной психологии от психоанализа до реактологии и рефлексологии. В этот период у Кравкова, как и других ученых (психологов, философов), была возможность научной и творческой реализации в области выбранного научного направления, которые еще сосуществовали в научном поле одновременно с идеями, официально разделяемыми и поддерживаемыми властью. В конце 20-х и особенно в 30-е гг. ситуация изменяется, и все, что не соответствует идеологическим представлениям новой власти о марксистской психологии, попадает под запрет и репрессии.

Поэтому можно предположить вариант сознательного ограничения Кравковым сферы своих научных интересов под влиянием социальных факторов. Его уход полностью в естественнонаучные, идеологически нейтральные исследования – своеобразный вариант внутренней эмиграции, вариант его индивидуальной стратегии сохранения возможности заниматься наукой как способ сосуществования с режимом при сохранении какой-то степени личной независимости.

Следует отметить, что после 1930-х годов научная деятельность Кравкова остается в русле тех исследований психологии и психофизиологии зрения, которыми он занимался в Психофизиологической лаборатории ГАХН и т.д.

После уничтожения ГАХН

Другим ученым академии повезло меньше. Больше всех давление социальных факторов отразилось на судьбах философов, искусствоведов и психологов, которые больше никогда не возвращались к проблемам исследований ГАХН. Это не только трагедия личностного характера для ученого и невозможность полноценной реализации в выбранной научной области, но и то, что определяется как потеря культурного капитала интеллектуальной сети российских ученых, когда обрывается связь времен и прерывается преемственность. Несколько примеров из биографий членов Философского отделения академии.

Ученик Г.Г.Шпета, один из представителей Московской феноменологической школы, Н.Н.Волков

после закрытия ГАХН некоторое время преподает математику в школе, а потом по совету А.Г.Габричевского, с которым его связывала многолетняя дружба, посвящает себя живописи. Первоначальное художественное образование он получил еще в Коммерческом училище под руководством А.Ф.Андропова, Е.Ю.Шишкиной, А.С.Голубкиной. Начиная с 30-х годов – активный участник художественных выставок. Возможность возобновления научной деятельности открывается для Волкова после войны, когда он по приглашению А.А.Смирнова возглавляет лабораторию психологии творчества в Институте психологии АПН, где занимался исследованием проблем психологии художественного восприятия и творчества. Вскоре после защиты докторской диссертации «Восприятие предмета и рисунка» 1949 г. Волков вынужден (опять же под влиянием социальных факторов) покинуть институт. Только в период «либерализации» с 1955 г. возвращается к интенсивным научным исследованиям, совмещая их с преподавательской и профессиональной художественной деятельностью. Результатом творческого синтеза науки и искусства Н.Н.Волкова становятся его выдающиеся труды, посвященные основным проблемам теории и психологии художественного творчества и восприятия «Цвет в живописи», «Композиция в живописи» и «Мысли об искусстве» [Волков, 1984, 1977, 1973]. Нельзя не отметить условную аналогию творческих поисков В.В.Кандинского и Н.Н.Волкова, теоретические работы которых являлись гармоничным синтезом науки и искусства, глубоким осмыслением результатов научно-теоретической и художественной деятельности, притом что их подходы (к пониманию языка искусства, цвета и композиции в живописи) принципиально разные.

Н.И.Жинкин, двоюродный брат Н.Н.Волкова, тоже ученик, а впоследствии коллега Г.И.Челпанова и Г.Г.Шпета, под давлением социальных факторов вынужден отказаться от исследований в области философии искусства и научных подходов, реализуемых философским отделением академии. После закрытия ГАХН он работал редактором на киностудии учебных и научных фильмов, затем реализует себя в психологии, занимаясь исследованием проблем языка и речи. Разработка Н.И.Жинкиным психологических проблем речевой коммуникации, понимания текста позволяет говорить о нем как одном из основателей отечественной психолингвистики.

Выбор стратегии поиска возможной самореализации как смены научной идентичности, как уже отмечалось, не всегда помогал избежать катка репрессий, о чем свидетельствует трагическая судьба одного из основателей академии А.Г.Габричевского. Переживший три ареста (1930–1941), обвинения в идеализме и космополитизме в 1948 г., Габричевский (философ, искусствовед, филолог, переводчик-полиглот) в жестких социальных рамках мог позволить себе только преподавательскую деятельность, разработку проблем архитектуры, редактирование и переводы.

Еще один ученик и друг Г.Г.Шпета, А.А.Губер, после ликвидации ГАХН стал членом редакции энциклопедического словаря «ГРАНАТ», в 1938 г. читал в Московском институте философии, литературы и истории (ИФЛИ) курсы лекций по истории культуры Античности, Средних веков и Возрождения. С 1939 г. – старший научный редактор, затем заведующий отделом литературы, искусства и языка Государственного института «Советская энциклопедия». После защиты кандидатской диссертации на тему «Теория искусств Дж.Ломаццо» в 1944 г. работал старшим научным сотрудником, а затем (1945–1970 гг.) главным хранителем ГМИИ им. А.С.Пушкина, совмещал музейную деятельность с чтением лекций по культуре Античности и эпохи Возрождения в Московском университете [Гаврюшин, 2017; Полева, 2007; Якименко, 2017].

Такой перечень можно продолжать до бесконечности. Термин М.Г.Ярошевского «репрессированная наука» [Аллахвердян, Юревич, 2010; Ярошевский, 1994] включает в себя не только жертв чисток и репрессий, но и тех, кто под давлением социальных факторов вынужденно изменял свою идентичность в попытках сохранить свое личностное пространство как пространство свободы и самореализации.

Индивидуализация как ресурс внутренней свободы и самореализации

Для некоторых научная и творческая деятельность стала стратегией ухода во внутреннее пространство личности как способ сохранения собственной идентичности. Такая стратегия скорее

усиливала гетерохронность хронотопа, но вносила гармонию именно в компоненты персонального пространства-времени, позволяла конструировать личностное пространство как убежище от внешнего мира и давления социальных факторов. Примером реализации такой стратегии являются похожие во многом биографии С.Л.Рубинштейна и Д.Д.Шостаковича – от присуждения Сталинских премий до обвинений в «космополитизме», недопустимом для советского ученого и композитора, «формализме», «буржуазном декадентстве» и «пресмыкательстве перед Западом», непрофессионализме, отстранение от должностей и преподавательской деятельности, запрет на публикацию научных работ, снятие музыкальных произведений с репертуара и невозможность их исполнения. Внешняя и внутренняя жизнь ученого и композитора протекала как бы в разных плоскостях бытия и соотносилась с разными пространствами. Можно предположить, что их судьбы – эмпирическое подтверждение основных положений теории С.Л.Рубинштейна, когда проблема детерминации и свободы понимается не как проблема недетерминированности и свободы от..., а как свобода по отношению к конкретным, наличному бытию, данной ситуации [Марцинковская, 2009]. Творческие пути ученого и композитора показывают невозможность свободы и независимости во внешнем социальном пространстве (особенно тоталитарного общества) и являются подтверждением возможности внутренней свободы, возможности выбора своего пути и построения личностного пространства в общем социально-историческом и культурном пространстве-времени. Общефилософский принцип детерминизма Рубинштейна, постулирующий действие внешнего через внутреннее, которое рассматривается как основание развития, приобретает новые оттенки смысла, предполагающие реализацию собственного предназначения именно как личного бытия, личностное пространство как пространство самореализации, пространства взаимодействия внутреннего и внешнего. И Шостакович, и Рубинштейн создают свой индивидуальный мир (экзистосферу), созвучный их индивидуальности и открывающий возможность творческой самореализации в музыке и в науке.

Смена социального пространства как стратегия сохранения личностного пространства развития и самореализации

Еще одним примером поиска и реализации личностной идентичности в мультикультурном пространстве рубежа XIX–XX вв. является творческая судьба В.В.Кандинского. Периоды рубежа XIX–XX вв. и XX–XXI вв. переживаются современниками как периоды слома, сложных социокультурных трансформаций, кризисов, сопряженных с ощущениями нестабильности и неопределенности. Обращает на себя внимание, что общие черты периодов рубежа XIX–XX вв. и XX–XXI вв. соотносятся с основными характеристиками транзитивности: *смена веков, изменение картины мира и появление нового технологического пространства*. Это дает возможность, высказать предположение, что понятие «транзитивность» является характеристикой не только современного общества, но и характеристикой общества рубежа XIX–XX вв., что позволяет провести определенные аналогии в «вызовах» современности обеих эпох и поисков ответов на них. Особенно ярко это проявляется в содержании психологической составляющей понятия «транзитивное общество», которая включает в себя не только социальные трансформации, но и их влияние на изменения ценностей и представлений, норм и установок, затрагивающих все стороны жизни общества, включая духовную сферу – искусство, науку, культуру. Наиболее важным представляется именно субъективная составляющая транзитивности – как субъективно воспринимается и переживается человеком ситуация кризиса и слома, изменчивость и неопределенность, в которой он живет, а не только сами объективные трансформации и их последствия [Марцинковская, 2013, 2015b].

Переживание глобальности «кризиса всего» (культуры, искусства, религии, духовности, государственности, человека и всего человечества) было связано как с социальными потрясениями, так и с научными открытиями рубежа XIX–XX вв. (открытие сложной структуры атома, радиоактивности, теория относительности и др.), которые для многих стали мировоззренческой катастрофой и изменением существующей картины мира.

А.Блок писал в 1908 г.: «Я думаю, что в сердцах людей последних поколений залегло неотступное чувство катастрофы, вызванное чрезмерным накоплением реальнейших фактов ... во всех заложено чувство болезни, тревоги, катастрофы, разрыва» [Блок, 1971, с. 115, 116]. В.Кандинский так описывает свои переживания, которые стали основной причиной кризиса его идентичности:

«... разложение атома отозвалось во мне подобно внезапному разрушению всего мира. Внезапно рухнули толстые своды. Все стало невероятно шатким и мягким... Наука казалась мне уничтоженной...» [Кандинский, 1918]. И если первоначально поиски собственной идентичности для Кандинского были связаны с наукой, то теперь этот путь обесценился для него и потерял всякую значимость. Кандинский расстается со своей научной карьерой, кардинальным образом пересматривает свои приоритеты в пользу занятия искусством.

Научная карьера В.В.Кандинского связана с Московским университетом, в стенах которого он получил юридическое образование, занимаясь на кафедре политической экономии и статистики под руководством профессора А.И.Чупрова. Поиск себя в науке проявился в смене научных интересов Кандинского, которого поочередно увлекали римское право, уголовное право, история русского права и этнография. Римское право привлекло его «своей сознательной, шлифованной конструкцией», но разочаровало «схематически холодной, слишком разумной и негибкой логикой», этнография захватила возможностью «открыть тайники души народной».

После блестящего окончания университета по рекомендации Чупрова Кандинского оставляют «на два года для подготовки к профессорскому званию и написанию диссертации». В 1893 г. Кандинский получает звание доцента юридического факультета и начинает свою преподавательскую деятельность. В этом же году он становится действительным членом Московского юридического общества. В 1896 г., несмотря на свои достижения и успехи, Кандинский принимает решение оставить занятия наукой, отказывается от места приват-доцента Дерптского университета и в 1896 г. уезжает в Мюнхен обучаться живописи [Автономова и др., 1999].

Можно выделить три ключевых события, которые стали поворотными в судьбе Кандинского. Как уже отмечалось, это его реакция на открытие разложение атома, и, как он описывает сам позже – два события, с которыми было связано его решение: посещение в Большом Театре оперы Р.Вагнера «Лоэнгрин» и впечатление от картины «Стог сена» К.Моне, представленной на выставке французских импрессионистов в 1895 году в Москве. Поиск собственной идентичности для 30-летнего Кандинского связан теперь с обращением к искусству и художественному творчеству, которые давали ощущение целостности и устойчивости в распадающемся, шатком мире [Дюхтинг, 2002]. Следует отметить, что искусство всегда привлекало Кандинского. В детском возрасте он занимался рисованием с частным преподавателем, учился играть на фортепиано и виолончели. В период обучения в университете искусство было своеобразной отдушиной для Кандинского.

Переживание кризиса идентичности активизирует процессы индивидуализации и интенциональности личности, открывает новое смысловое поле для Кандинского, связанное с поиском возможностей самореализации в новом искусстве, которое наиболее адекватно отражает его эпоху и самоощущения художника. Искомое равновесие в неустойчивом окружающем мире, своеобразную точку опоры Кандинский обретает, обращаясь к своему внутреннему духовному миру, что подтверждает выводы об усилении процесса индивидуализации в периоды транзитивности. Конструирование новой идентичности Кандинского как художника связано с субкультурой единомышленников (художников, поэтов, архитекторов, композиторов), в творческой среде которых происходили созвучные его внутренним запросам поиски новых ценностей искусства, его языка и новых художественных форм, которые шли вразрез с господствующим академизмом мейнстрима. Субкультура модерна, объединяющая представителей нового искусства, открывает для Кандинского возможность гармонизации процессов индивидуализации – социализации, когда субкультура становится его идентичностью, в которой его персональная и социальная идентичности оказываются практически тождественны друг другу [Марцинковская, 2014; 2017]. Следует отметить, что, становясь лидером различных творческих группировок, ориентированных на новое искусство, Кандинский не всегда даже в среде единомышленников находил понимание. Вместе с тем можно сказать, что субкультура авангарда, одним из лидеров которой он являлся, со временем становится достоянием всеобщей культуры, что является подтверждением положения теории Э.Эриксона [Эриксон, 1996] о социальной идентичности, когда найденная одним человеком идентичность становится всеобщей социальной идентичностью. В этом контексте правомочно утверждение, что индивидуальные переживания Кандинским кризиса эпохи, кристаллизованные в его творчестве, становятся отражением социальных переживаний его современников.

Среди различных вариантов стратегий в континууме «пассионарность – пассивность»,

«конформность – независимость» можно предположить выбор Кандинским стремления к познанию собственного внутреннего мира и конструирование нового социокультурного пространства, в соответствии с ценностями своего внутреннего мира.

Далеко не сразу Кандинский находит свои способы и средства выражения. В творческом поиске он обращается к импрессионизму, югендстилю, фовизму. Практическое экспериментирование с формой и цветом в мастерской художника сопровождается его постоянной рефлексией собственных переживаний и творческих поисков в научно-теоретических работах, посвященных вопросам искусства и живописи. Результатами этих творческих поисков В.Кандинского становится создание новой картины мира, которая требовала не только воплощения в новых художественных формах, но и новых способов восприятия, нового языка и новых творческих методов. Являясь «зеркалом эпохи», искусство авангарда с его беспредметностью стало наиболее адекватной формой художественного отражения нового образа мира и социальных переживаний начала XX в. Закономерным с этой точки зрения является его появление и развитие именно в этот исторический период.

Для анализа соотношений индивидуального и социального в становлении творческой идентичности В.Кандинского в мультикультурном пространстве представляется целесообразным обратиться к эстетической парадигме и концепции психологического хронотопа [Марцинковская, 2015а, 2017]. Гетерохронность персонального хронотопа Кандинского в период окончания обучения в университете обусловлена индивидуальными и социальными переживаниями кризиса рубежа веков, гетерохронностью пространства-времени общего хронотопа в системе «человек – культура». В этот период социальные и индивидуальные параметры общего и индивидуального хронотопов одинаково гетерохронны. Эстетические переживания, связанные с восприятием произведений искусства (Вагнер, Моне), усиливают дезинтеграцию индивидуального хронотопа, фиксируя кризис идентичности Кандинского, что позволяет говорить об эстетической составляющей в пространстве хронотопа именно как о культурной детерминации, опосредующей становление индивидуальной траектории личностного развития В.Кандинского и конструирования социокультурной идентичности.

Одновременно переживания кризиса идентичности и гетерохронности хронотопов активизируют интенциональность личности, способствуя усилению индивидуализации, которая проявляется в выборе стратегии индивидуального пути развития. Преодоление гетерохронности и гармонизация индивидуальных и социальных пространства-времени хронотопа достигается Кандинским возможностью творческой самореализации, благодаря включению (и во многом конструированию) микросоциального пространства, в среде объединений творческих личностей. Обращает на себя внимание, что эти объединения являются по существу социальными сетями, включающими в себя художников, поэтов, композиторов, ученых Германии, Франции, России и других стран, что позволяет говорить о стремлении к преодолению пространственных границ и расширению социального пространства, конструированию единого мультикультурного пространства, объединяющих представителей разных культур и разных видов искусств. Общность идей, ценностей, эстетических переживаний, близость в способах переживания социокультурных трансформаций позволяют говорить о таких объединениях как о субкультуре, несмотря на возникающие различия и разногласия. Субкультура становится социальным пространством-временем хронотопа, в котором гармонизируются персональные и социальные хронотопы, а также искомой идентичностью как для Кандинского, так и других творцов, входящих в это сетевое сообщество. Только внутри этой системы происходит стабилизация общего и индивидуального хронотопов [Марцинковская, 2013, 2017].

Но в пространстве-времени общей культуры возникает новая гетерохронность индивидуального и социального хронотопа Кандинского с общим хронотопом. Новая картина мира, новый язык искусства, новые художественные формы и средства выразительности художника Кандинского значительно опередили время. Эта гетерохронность хронотопов преодолевается с течением времени постепенным включением субкультуры в мейнстрим [Марцинковская, 2017].

Таким образом, анализ соотношения индивидуального и социального конструирования творческой идентичности В.Кандинского позволяет говорить о выборе стратегии, связанной с изменением внешнего социального пространства. Это и эмиграция (на макроуровне), и выбор субкультуры модерна (на микроуровне) как пространства творческой самореализации, результатом которой стало в значительной мере и изменение / конструирование субкультуры авангарда как нового пространства культуры. Важно отметить, что теория Кандинского как лидера авангарда – это во многом

утопический проект будущего, это не только создание нового искусства (что удалось с успехом реализовать), но и надежды с помощью нового искусства создать нового человека и новое общество, ориентированное на духовное.

Заключение

Обращает на себя внимание, что смена внешнего социального пространства как стратегия сохранения собственной идентичности, индивидуализации и возможности самореализации в условиях современной России становится своеобразным трендом, особенно в молодежной среде. По результатам последних опросов ВЦИОМ 25% молодых людей от 18 до 24 лет и 16% в возрасте от 25 до 34 лет высказывают желание уехать из страны, причем мотивирующими факторами являются не высокий уровень жизни за границей, а такие факторы, как социальная стабильность, климат и экология, уровень культуры, соблюдение прав человека, недовольство политикой властей, то есть те факторы внешнего социального пространства, которые рассматриваются как условия, обеспечивающие возможность самореализации. Доклад Комитета стратегических инициатив показывает, что за 2013 год в Германию, Израиль, Италию, Испанию эмигрировали 60 016 человек (официальная статистика Росстата показывает 7347), причем уезжает образованная, энергичная, мотивированная на изменение качества работы и жизни молодежь до 30–35 лет [Воробьева, Гребенюк, 2016]. Негативная тенденция началась еще в 2012 году, и уже в 2015 году, по официальным данным Росстата, из России навсегда уехало 350 тысяч человек, что в 10 раз больше, чем, например, в 2010 году. Это наибольшее количество эмигрантов за последние 16 лет. Среди уезжающих сегодня высокий уровень так называемой утечки мозгов – страну покидают россияне с высшим образованием, предприниматели и специалисты сферы информационных технологий. Если говорить о представителях науки, то с 1991 года из России уехало около 800 тыс. ученых.

В заключение отметим, что, вне зависимости от выбранных (даже выбранных вынужденно) и реализуемых стратегий сохранения или поиска своей идентичности представителями науки и искусства, усиление индивидуализации становится внутренним ресурсом, позволяющим личности противостоять давлению социальных факторов, внешнего мира, ресурсом построения индивидуального пространства свободы и самореализации. При этом именно культура (наука и искусство) становятся важными образующими этого пространства самореализации и его индивидуализации.

Литература

Автономова Н.Б., Сарабьянов Д.В., Турчин В.С. (Ред.). Многогранный мир Кандинского. М.: Наука, 1999. <http://www.kandinsky-art.ru/library/mnogogranniy-mir-kandinskogo.html>

Аллахвердян А.Г., Юревич А.В. Как репрессированный аспирант стал историком «репрессированной науки». Вопросы психологии, 2010, No. 6, 109–112.

Блок А. Стихия и культура. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. 4, с. 115–124.

Волков Н.Н. Мысли об искусстве. М.: Советский художник, 1973.

Волков Н.Н. Композиция в живописи. М.: Искусство, 1977.

Волков Н.Н. Цвет в живописи. М.: Искусство, 1984.

Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Аналитический доклад: «Эмиграция из России в конце XX начале XXI века». М., 2016. <https://komitetgi.ru/analytics/2977/>

Гаврюшин Н.К. Философское окружение Г.Г.Шпета в ГАХН: Т.И.Райнов, А.Г.Габричевский, В.П.Зубов. В кн.: Н.С. Плотников, Н.П. Подземская (Ред.), Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 90–101.

Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности. Психологические исследования, 2014, 7(36), 7. <http://psystudy.ru>

Дюхтинг Х. Василий Кандинский 1899–1944. Революция в живописи. М.: Арт-родник, 2002.

Кандинский В. Ступени. Текст художника, 1918. <http://www.kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva53.html>.

Котова И.Б. С.В. Кравков как психолог и психофизиолог. Вопросы психологии, 1982, No. 4, 52–61.

Кравков С.В. Современные объективные течения в психологии и их значение. Вестник знания, 1916а, No. 10, 572–578.

Кравков С.В. Современные объективные течения в психологии и их значение. Вестник знания, 1916б, No. 11, 626–633.

Кравков С.В. Рефлекс цели И.Павлова и рефлекс как творческий акт С.И.Метальникова. Психологическое обозрение, 1917, Вып. 1, 153–160.

Кравков С.В. Методы психологии. Психологическое обозрение, 1918, Вып. 1, 558–564.

Кравков С.В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.

Кравков С.В. Внушение. М.: Русский книжник, 1924.

Кравков С.В. Очерк психологии. М.: Русский книжник, 1925.

Кравков С.В. Экспериментальная психология и изучение ребенка. М.: Искра революции, 1927.

Марцинковская Т.Д. Междисциплинарность как системообразующий фактор современной психологии. В кн.: Т.Д. Марцинковская (Ред.), Методологические проблемы современной психологии. М.: Смысл, 2004. С. 66–67.

Марцинковская Т.Д. Мир С.Л.Рубинштейна: культура как пространство саморазвития человека. Мир психологии, 2009, No. 1, 43–50.

Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ. Психологические исследования, 2013, 6(30), 12. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры. Вестник РГНФ, 2014, No. 4, 116–126.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015а, 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015б.

Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2017.

Полева Н.С. Цвет как язык живописи в психологии искусства Н.Н.Волкова (к 110-летию со дня рождения). Культурно-историческая психология, 2007, No. 2, 93–100.

Умрюхин Е.А. С.В.Кравков: выдающиеся достижения и несбывшиеся надежды. Психологический журнал, 2002, 23(5), 25–31.

Эриксон Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1996.

Якименко Ю.Н. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН. В кн.: Н.С. Плотников, Н.П. Подземская (Ред.), Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 434–435.

Ярошевский М.Г. Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994.

Поступила в редакцию 15 апреля 2017 г. Дата публикации: 15 августа 2017 г.

[Сведения об авторе](#)

Полева Наталья Сергеевна. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: npoleva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Полева Н.С. Парадоксы индивидуального и социального в судьбах представителей науки и искусства. Психологические исследования, 2017, 10(54), 4. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Полева Н.С. Парадоксы индивидуального и социального в судьбах представителей науки и искусства // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1451-poleva54.html>

[К началу страницы >>](#)